

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

ЛИЧНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ответственные редакторы

Л. Г. Дикая

А. Л. Журавлев

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2014

МОРАЛЬ И ПРАВСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ОБЩЕСТВА

А. В. Махнач

Обращаясь к исследованию жизнеспособности в связи с духовностью человека, мы пытаемся обосновать значимость последней как основы жизнеспособности человека, что, в свою очередь, определяет также и общество как жизнеспособное. В последние десятилетия изучение феноменологии и методологии, например: формирования моральных ценностей общества, разработка новой морали, новых этических представлений, современных состоянию общества и требованиям к изменившемуся месту нравственности в обществе – стало предметом исследований [14]. Уже во многих исследованиях мораль и нравственность связывается с жизнеспособностью человека [15, 18, 34], что, в свою очередь, определяет его профессиональные ценности, профессиональный рост [5, 26, 31, 37]; жизнеспособность профессионала определяет психологический капитал личности, состоящий, наряду с жизнеспособностью, из позитивных психологических ресурсов эффективности профессионала, надеждой, оптимизмом [23].

Нравственность общества как социальный аспект его жизнеспособности

В ряде исследований в общественных науках обращается внимание на тот факт, что безопасность общества, развитие его духовного начала соотносятся с его жизнеспособностью. Так, в концепции духовной безопасности общества [2, 7, 16, 21] тенденции развития общества, ценности и духовная культура связываются со способностью общества сохранять и воспроизводить параметры и уровень жизнеспособности этого общества. Духовная безопасность общества может рассматриваться как состояние жизнеспособности его базовых ценностей, наличие высокого интегративного потенциала по-

ставленных им целей, реального и привлекательного для всех слоев населения. Недооценка реального влияния духовных факторов на жизнедеятельность общества уступила место пониманию необходимости оздоровления духовности для эффективного функционирования институтов общества и власти [2]. Существует современная глобальная тенденция связывать жизнеспособность и различные аспекты национальной безопасности как основные критерия развития общества. В русле этих исследований предложена трактовка жизнеспособности общества как степени реализации потребностей населения в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, демографическом и социальном воспроизводстве [21].

Жизнеспособность как основа политической системы государства часто является предметом исследования еще и потому, что ее взаимосвязь с духовностью лежит в основе политологических, культурологических прогнозов их развития. Связывание жизнеспособности с духовностью общества в таком ракурсе может объяснить многое и дать импульс научным исследованиям по ряду принципиальных характеристик развития общества. К ним относятся: взлеты и падения государственных систем, изменения в значимых для социума сферах (образование, здравоохранение, культура, профессиональная сфера), успехи политики, мобилизация для своих целей энергии общества, которые соотносятся с теми или иными потрясениями в обществе (войны, революции и, как следствие, смена ценностей общества). В исследовании содержания жизнеспособности и устойчивости политической и социальной системы (эти два понятия часто используются как синонимы) также уточняются ее ценностные и духовные составляющие. Интересно, что в ряде исследований в политологии принято прогнозы развития тех или иных политических событий соотносить с жизнеспособностью системы. Жизнеспособность в экономических и экологических исследованиях рассматривают как основание устойчивости функционирования локальных экономических или экосистем, от которых зависит стабильность всей экономической системы и биосферы в целом. Особенно важно понимать в этом контексте, что «жизнеспособность социальной системы определяется не столько принципами экономического детерминизма, сколько ростом целевой и прикладной значимости социальности во всех сферах и процессах» [9, с. 3].

Ресурсы жизнеспособности политической системы могут подразделяться по разным основаниям. Г. Биннендийк, директор Центра технологий и политики национальной безопасности в Университете национальной обороны США и известный эксперт в геополитике, назвал семь факторов, которые могут как привести к развитию сис-

темы и, соответственно, могут быть рассмотрены как факторы жизнеспособности, так и способствовать ее падению. К ним он отнес: 1) физическое здоровье и *духовный потенциал лидера* – как наиболее важный признак упадка или жизнеспособности системы; 2) изменения в политике правительств, происходящие вследствие неудачной реформы в армии или военных неудач; 3) экономические проблемы в государстве; 4) социальную напряженность между лидером и обществом, отделяющую лидера от последнего; 5) широко распространенное мнение о насилии со стороны государства; 6) социальные факторы, способствующие дестабилизации (коррупция во власти, изоляция оппозиционеров); 6) политическую коалицию, выдвигающую антиправительственные программы; 7) настроения в армии [25, с. 217–219]. Этим исследованиям уже более двадцати лет, и в них одной из изучаемых стран был СССР, но выводы, сделанные этим известным ученым, актуальны как никогда и сейчас для ряда стран, в том числе и для России. Особо стоит обратить внимание на первый фактор, отражающий суть известной пословицы про рыбу и ее голову.

Жизнеспособность социальной и политической системы, по мнению ряда авторов, определяется наличием развитой духовной культуры с духовной легитимацией ценностей; осознанной обществом парадигмой развития; историческим оптимизмом; высоким уровнем науки, культуры, медицины, производством и воспроизводством материальной культуры, развитием новых производственных отношений, появлением новых профессий, переоформлением содержания, функций и задач традиционных профессиональных отношений, других жизненно важных сфер цивилизованного общества. Все эти ресурсы – материальные, нематериальные, человеческие, существующие и вновь создаваемые – организуются вокруг идеологии как многоуровневой интегративной силы, формирующей политическое мировоззрение (систему ценностей), развитой системы образования; продуманной программы воспитания граждан, жизнеспособных альтернативами развития [3]. Очевидным является взаимная детерминация культуры, образования, идеологии и национальной безопасности взаимодействуют друг друга. Именно поэтому по этим признакам во всех жизнеспособных культурах и обществах витальные, к которым относятся в том числе и профессиональные ценности, нравственные ценности, правила неизбежно влияют друг на друга. В жизни развитого общества уже во многом мораль и нравственность не определяют поступки члена этого общества до тех пор, пока действия его не вступают в противоречие с моралью общества. И поэтому любой жизнеспособный социум должен

уметь согласовывать интересы и деятельность отдельных личностей и групп и приводить их в соответствие с общими интересами данного социума, равно как и осознавать эти общие интересы в более или менее рациональной форме [11]. Деятельность представителей ряда профессий, по нашему мнению, не совпадает с общей динамикой развития общества и его интересов. По этой причине часть профессионалов высокого уровня исключены из процесса создания материальных и духовных благ общества, становясь маргиналами только потому, что государство не включает в число приоритетных дальнейшее развитие и потенциал этих групп профессионалов в работу на общее для общества создание ресурсов. К такой профессиональной группе мы относим представителей гуманитарной науки, кластер профессий научно-технического профиля, профессионалов социальной сферы. Такое неудовлетворительное положение с достаточно обширным спектром профессий, в первую очередь, сказывается на прерывании передачи профессиональных ценностей, этических стандартов профессии и пр. от поколения к поколению, что приводит в конечном итоге к снижению жизнеспособности общества в целом.

В период смены ценностных ориентиров, вызванных изменением базовой морали общества, нарушается духовное единство общества, меняются жизненные и нравственные приоритеты молодежи, не происходит формирования ценностей этого поколения, в том числе ценностей труда и профессии; деформируются, а часто просто разрушаются традиционные для общества моральные нормы и нравственные установки. Это влияние, прежде всего, отчетливо наблюдается в аксиологии профессиональной жизни, традициях целого ряда профессии, снижении ценности труда как такого, изменении авторитета профессионала и т. д. И как следствие «долгого игнорирования» обществоведами понятий «жизнь», «жизнеспособность государства» привело к неразработанности и сопряженного с ними понятия «духовность» [18, с. 59], «нравственность», к потере смыслообразующей для любого поколения нравственной установки на ценность профессионального образования и связанного с ним профессионального роста, успеха. Как известно, основой развития общества, его будущего является жизнеспособность подрастающего поколения, а с этим напрямую связана безопасность страны. Большинство экспертов сходятся во мнении, что для формирования жизнеспособности молодого поколения необходимо создание условий для интеллектуального и духовного их развития. Образование и последующая профессионализация, которые всегда работают на будущее, закладывают основы для социальных изменений в обществе,

определяют его развитие. Образование закладывает основу человеческих ценностей и идеалов, индивидуального и общественного мировоззрения, поведенческих стереотипов и конкретных поступков. А фундамент духовной культуры личности составляют ее ценностные ориентации, которые образуют, своего рода, ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности [19], ее жизнеспособность.

Мораль индивида как основа его жизнеспособности

Во всех исторических периодах и любых условиях соответствующее состояние морали общества оказывает формирующее влияние на адекватную этому мораль индивида. Мораль пронизывает собой все без исключения сферы жизни общества и проявляется в действиях общества в адрес каждого члена общества. Мораль общества, как правило, подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта, и в этом случае каждый член общества является носителем как этим субъектом со своими критериями оценки морали общества, так и самим носителем этой морали. Высокая мораль общества ведет к повышению морали как в адрес общества, так и налагает повышенные требования к морали индивида. В связи с этим приобретают особую значимость институты социализации и формирования норм морали: семья и система воспитания, образования и профессионализации. Необходимо отметить, что основу жизнеспособности общества составляет жизнеспособность входящих в него индивидов, соответственно – их мораль и духовность. Главенствующая в обществе мораль всегда формируется ценностными и духовными ориентирами жизнеспособного общества, обеспечивая потребности общества и каждого его члена в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, в том числе профессиональной. И это особенно важно для членов общества, занятых в той или иной профессиональной деятельности.

Являясь внутренней установкой человека, нравственность во многом определяется моралью общества, в котором он живет и развивается. Существующие законы морали, принятые в обществе, опосредованно сказываются положительно на нравственности человека и общества в целом только в том случае, если справедливость этих законов не оспаривается и не игнорируется не столько большинством, сколько и прежде всего элитой как носителнице этой морали. Общественная мораль, опирающаяся на мораль индивида, формирует нравственность в обществе. Непосредственными проявлениями нравственности являются, по Гегелю, семья, гражданское общество и государство [1]. Жизнеспособность относится к особо-

му классу человеческих способностей, которые В. Д. Шадриков называет духовными способностями личности. Он называет их духовными потому, что они формируют «добродетельность; следование нравственности, принципам веры, любви, альтруизма, смысла жизни; творчества, оптимизма и проч. Духовный взгляд на мир обуславливает духовную картину мира. Мир представляется как мир взаимосвязанных ценностей, соотнесенный с духовными ценностями индивида. Если для рационального мышления важна утилитарная, практическая, объективная значимость, то для духовного – важна этическая, нравственная значимость, определяемая в системе духовных координат личности» [20, с. 50].

М. Селигман и его коллеги, изучив многообразие религиозных и культурных памятников (в том числе с трехтысячелетней историей), обнаружили шесть общих для всех народов добродетелей: мудрость и знание, мужество, любовь и гуманизм, справедливость, умеренность, духовность, или трансцендентность. При этом М. Селигман *духовность* использует для обозначения той группы достоинств человека, которые традиционно именуется духовными и включают такие вполне светские качества, как энтузиазм и благодарность [17, с. 206]. Известный исследователь жизнеспособности человека G. Vaillant связал жизнеспособность с верой и надеждой, заявив, что «надежда и вера – простые слова, но они охватывают существенную грань жизнеспособности... надежда – психической бальзам, от которого зависит жизнеспособность» [39, с. 314]. В отечественной литературе Е. А. Рыльской вслед за В. Д. Шадриковым обосновывается подход к исследованию жизнеспособности человека как специфической духовной способности [15].

В XX в. был разработан универсальный критерий оценки жизнеспособности как состояния основных функций человека: физической, психологической, социальной и духовной, основанный на его субъективном восприятии, и названный «качеством жизни», и исследуемой, в частности, в психологии здоровья, являющейся динамично развивающимся направлением в психологии. Например, в здравоохранении качество жизни определяется жизнеспособностью человека, его психологическим и профессиональным самоутверждением. В связи с активным изучением жизнеспособности человека в социальных, политических науках, и в психологии в настоящее время происходит не только определение понятийного поля термина «жизнеспособность», но и уточнение переменных, входящих в содержательное поле этого нового для этих наук термина. В большинстве исследований этого направления про-

исходит понятное для данного уровня включение термина в понятийное поле и операционализация термина, что, как известно, представляет собой особую процедуру установления связей обсуждаемого в статье концепта с методическим инструментарием, позволяющим исследовать этот термин, уточнять его содержание.

Устремленность человека к духовному развитию и формированию духовно-творческого потенциала почти всегда несет в себе мощный психологический заряд и резерв жизнеспособности. В своих исследованиях S. R. Maddi указывает на значимость жизнестойкости в укреплении жизнеспособности человека в наше беспокойное время [35]. В переломные кризисные моменты можно наблюдать у многих людей поиск веры, духовных ценностей, дающих смысл и опору в жизни. Обретение смысла жизни, несомненно, пробуждает душевные силы, необходимые для того, чтобы противостоять конфликтам, хаосу, ломке социальных устоев, сложившихся традиций, с которыми так часто сталкивается человек. В этом подходе психологическая защита рассматривается как духовный феномен, согласно которому в христианской традиции содержится пласт представлений, идей, методов, способов и конкретных рекомендаций, помогающих человеку справиться с внешними стрессовыми ситуациями и внутренними состояниями, угрожающими целостности личности и ее психике [10]. Духовные ценности для человека как его психологическая защита все чаще рассматривается не только на философском уровне, но и в практическом аспекте. Так, K. I. Pargament, P. J. Sweeney при разработке учебных программ в армии США предлагали обращать внимание на присутствие компонента духовности в любой программе, предназначенной содействовать жизнеспособности, здоровью и благополучию человека в связи с тем, что усилия по интеграции в духовное измерение программ такого рода все еще находятся в начале развития. Был разработан трехуровневый модуль профессионального обучения, способствующий духовной жизнеспособности солдат. Целью первого уровня является повышение у военных самооценки их духовной целостности, включающей основные ценности и убеждения, цели и смысл жизни. Целью второго уровня является обеспечение доступа военнослужащих к духовным ресурсам, способствующим развитию их духовности и помогающим им предвидеть ситуации, связанных с борьбой духа и с которыми они могут столкнуться в своей военной службе. Третий уровень предназначен для оказания помощи солдатам в создании большей социальной уверенности, способствующей развитию чувства глубокой связанности с другими людьми и миром [37].

На этом уровне находим прямое отражение мысли Э. Дюркгейма, согласно которой единицей изучения общества является не отдельный человек, а взаимодействие между индивидами: общество – это совокупность взаимодействий индивидов. И соответственно, первые формы социального поведения – совместная регуляция поведения [6]. В изучении факторов, которые делают успешными студентов в их учебной деятельности, также прослеживается идея Э. Дюркгейма о совместной регуляции поведения на разных уровнях взаимодействия индивидов. А. Bowker провела исследование образованности американских женщин индейского происхождения, в котором были определены четыре основных аспекта жизнеспособности: а) заботящийся взрослый или наставник, который помогает развить чувство целеустремленности; б) влияние школы и учителей, особенно тех, которые воспитывают ребенка как целостный субъект; в) высокая духовность и цель в жизни; г) низкий стресс в семье [26]. В качестве составляющих жизнеспособной личности выступают: вера в собственные силы, трудолюбие, духовность. Важнейшей целью жизнеспособной личности названо формирование личностной зрелости, которая выражается в дисциплине ума, эмоций, поступков, в гармоничном ощущении мира и себя в этом мире [4]. В другом исследовании морали и духовности человека, сделав предположение о том, что смысл жизни является частью более такого крупного концепта, как духовность, D. Dunn, используя структурное выравнивание процедур моделирования и обширную батарею тестов, протестировал модель жизнеспособности К. Kumpfer (1999). На большой выборке работающих и неработающих матерей было подтверждено, что духовность, включающая смысл жизни, является самым главным предиктором жизнеспособности и позитивной адаптации в зрелом возрасте и в старости [28]. Используя тот же набор тестов, J. P. Walker, R. E. Lee смогли показать ту же роль духовности и закономерности ее формирования на выборке взрослых, выросших в семьях алкоголиков [41].

В последнее время все чаще исследователи рассматривают личную (индивидуальную) нравственность как базовый критерий жизнеспособности человека [15]. В рамках этого контекста базовым критерием жизнеспособности человека можно считать критерий личностно-духовный, обеспечивающий целостность человека. Таким образом, духовность и нравственность всегда рассматриваются человеком как путеводная звезда для выхода из жизненного кризиса, а мораль человека все чаще анализируется в исследованиях уже не только на философском уровне, но и в практическом аспекте.

Подход к духовности как к совладанию позволяет оценить, в какой степени этот ресурс используется и является ли эффективным, например, как ресурс совладание со стрессом [31, с. 157]. В нескольких исследованиях было показано, что многие люди справляются с травматическими событиями или стрессорами с помощью их духовности. Общенациональный опрос в США после 11 сентября обнаружил, что обращение к духовности было вторым самым распространенным способом преодоления (90%) после разговора с другими людьми (98%) [38]. Духовность оказывает непосредственное влияние на уровень стресса, который испытывает сотрудник, и на степень эмоционального выгорания у сотрудников. Т. е. жизнеспособность обеспечиваемая духовностью снижает уровень связанного с работой стресса сотрудников, и развитие выгорания становится под вопросом [34]. В метаанализе 49 исследований ($n=13512$) была показана связь между религиозными механизмами совладания и психологической адаптации к стрессу: на рабочем месте, во время военных действий, в армейских подразделениях, в разных коллективах. Позитивное духовное совладание имеет положительную корреляцию с позитивной психологической адаптацией и невыраженную обратную корреляцию с отрицательной психологической адаптацией к стрессу, при этом разные жизненные ситуации могут иметь различные последствия совладания и психологической адаптации к стрессу [22].

Как отмечается в ряде исследований, защитные факторы часто связаны с жизнеспособностью и ресурсами человека, дополняющей способностью человека к защите и/или адаптивностью к неудаче, угрозам жизни или стрессу [29]. Эти ресурсы в социальной поддержке [27], физическом или психологическом благополучии, обладанием духовной или религиозной точкой зрения на себя и общество [36], невыраженным уровне бедности, отсутствии угроз безработицы, злоупотребления алкоголем, наркотиками, домашнего насилия [29]. Семейные и социальные взаимосвязи также играют важную роль в развитии жизнеспособности индивида. Безопасные межличностные связи, в основе которых лежит духовность, обеспечивают важный источник эмоциональной поддержки и служат как основанием жизнеспособности человека [30, 40].

Таким образом, во многих экспериментальных исследованиях показано, что вера является наиболее важным предиктором жизнеспособности человека в самых разных жизненных ситуациях, а духовность содействует жизнеспособности, здоровью и благополучию человека; защитные факторы, связанные с жизнеспособностью, в свою очередь, способны обеспечить защиту, адаптивность к угрозам или стрессам в жизни человека.

Заключение

В современном российском обществе постепенно снижается значение морали и духовных ориентиров в развитие общества. Это проявляется в неудовлетворительном состоянии общественной нравственности, в отношении внутри общества человека к человеку и невысокой значимости человека для общества и государства. На такое неудовлетворительное состояние морали и нравственности в обществе обращается внимание в разных концепциях, например в концепции духовной безопасности общества [2, 7, 16], концепции формирования жизнеспособной личности в сельском социуме [4], концепции развития поликультурного образования в РФ (2010), концепции гибнущего общества [8], концепция качества жизни ВОЗ (1996). В этих общих и частных по масштабу концепциях постулируется и доказывается взаимосвязь жизнеспособности человека (государства, общества) и духовного, нравственного их состояния, развития, показывается значимость морали для их успешного существования и перспективы будущего. Во всех проанализированных нами концепциях отмечается основное: если общество перестает осознавать необходимость морали и нравственности и не направляет специальные усилия на формирование этих основ развития общества и каждого его члена, то в обществе достаточно быстро формируется так называемая аномия – состояние общества, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились [13], что приводит к разного рода отклоняющемуся поведению из-за несогласованности между целями, выдвигаемыми обществом, и средствами, которое оно предлагает для их достижения. Аномия отразилась также и в изменении отношения общества к профессионалу. Существующие на данном этапе развития общества традиционные в нем моральные нормы и нравственные установки во многом определяют аксиологию профессиональной жизни, традиции и востребованность обществом целого ряда профессии, снижении ценности труда как такового, изменении авторитета профессионала и т. д. Следствием этого явилась потеря смыслообразующей для любого поколения нравственной установки на ценность профессионального образования и связанного с ним профессионального роста, успеха.

И если так случилось, что современная мораль общества и каждого его члена преимущественно основывается больше на разуме, чем в религиозной морали, базирующаяся на христианских ценностях, то жизнеспособность общества (человека) также предполагает разумность, рациональность тех или иных действий государства, общества в адрес члена этого общества и наоборот. Если вокруг

мы видим примеры обратного, т. е. нерационального, необдуманного и, соответственно, аморального влияния общества во всех его проявлениях (политика, экономика, производство материальных и социальных благ) на человека, то такое влияние может воспроизводить только нежизнеспособность или маргинальную приспособленность, что никак не может способствовать жизнеспособности общества. Такие условия существования и «развития» общества не случайно описываются в концепции гибнущего общества. То, что происходит в нашем обществе на протяжении последних десятилетий, вызванное деноминацией ценностей, нравственности и морали, не может не подталкивать к обесцениванию собственных морально-нравственных представлений человека, что и приводит к его маргинализму [5], появлению девиаций, проблем аномии и дезорганизации общества, дисфункций [13], социальной апатии, безразличию, депрессии.

Появление нового для отечественной социальной психологии термина – жизнеспособность человека (общества) объясняет потребность социальной психологии в применении этого концепта к разработке теоретических моделей, концепций, позволяющих изучать и объяснять практические проблемы современного российского общества. В понимании содержания и использования самого концепта жизнеспособность человека (общества) через призму духовности и морали постепенно складываются несколько подходов, что придает этому термину междисциплинарный, надтеоретический характер [12]. В современных исследованиях социальной психологии труда существует понимание необходимости обращения внимания на мораль и нравственность профессионала как залог его профессионального развития, роста [32, 42]. Более того, предлагается в условиях социального и промышленного кризиса потратить особые усилия на восстановление моральных целей организации и помочь сотрудникам найти смысл в их работе. Организации, которые «вплетают» морально обоснованную цель развития как организации, так и каждого профессионала в ткань их производственной культуры, лучше справляются с неизбежными вследствие кризиса изменениями. Это чувство цели вырастает из основных человеческих ценностей, что позволит организации развиваться и добиться особого, прочного места в мире в целом [24]. Отрадно, что в настоящее время поиск критериев выделения и оценки жизнеспособности человека: его физической, психологической, социальной и духовной составляющих, является динамично развивающимся направлением отечественной и зарубежной в психологии; среди социальных аспектов все чаще выделяется профессиональная жизнь человека.

Литература

1. *Апресян Р. Г.* Нравственность // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ред. В. С. Стёпин. М.: Мысль, 2-е изд., испр. и доп., 2010.
2. *Беспаленко П. Н.* Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
3. *Буханцов В. В., Комарова М. В.* Политическое развитие как условие модернизации страны // Вестник Восточно-Сибирского государственного технологического университета. 2011. № 3 (34). С. 146–150.
4. *Гурьянова М. П.* Концепция формирования жизнеспособной личности в условиях сельского социума. М.: Педагогическое общество России, 2005.
5. *Дикая Л. Г., Ермолаева Е. П.* Нравственные проблемы профессиональной деятельности // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 361–380.
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
7. *Запесоцкий А. С.* Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 1. С. 3–8.
8. *Катаев С. Л.* Концепт «гибнущее общество» в социологии // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Харьков, 2008. С. 11–13.
9. *Костко Н. А.* Прогнозно-нормативное проектирование в системе социального управления развитием региона: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. Тюмень, 2004.
10. *Котенёва А. В.* Психологическая защита с позиций христианской антропологии: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2010.
11. *Ляхова Л. Н., Галанина Н. В.* К проблеме самодетерминации социальных систем // Вестник Удмуртского ун-та. Социология и философия. 2005. № 2. С. 249–262.
12. *Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
13. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 118–124.
14. Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
15. *Рыльская Е. А.* К вопросу о психологической жизнеспособности человека: концептуальная модель и эмпирический опыт //

- Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 3. С. 9–38.
16. *Самыгин С. И., Верещагина А. В.* Духовная безопасность России как основа российской государственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. URL: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid35/pg0 (дата обращения: 22.03.2013).
 17. *Селигман М. Э. П.* Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
 18. *Соколова Р. И.* Духовность как основа жизнеспособности государства // Жизнеспособность российского государства как философско-политическая проблема / Ред. В. Н. Шевченко. М., 2006. С. 41–72.
 19. *Черникова В. Е.* Гуманитарное образование и духовное развитие личности // Вестник Ставропольского гос. ун-та. Философские науки. 2009. № 64. С. 154–159.
 20. *Шадриков В. Д.* Вопросы психологической теории способностей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 3. С. 41–56.
 21. *Ястребов Г. А., Красилова А. Н.* Жизнеспособность российского и других постсоциалистических обществ: итоги 20-летия реформ // Мир России. 2012. Т. 21. № 1. С. 140–163.
 22. *Ano G. G., Vasconcelles E. B.* Religious coping and psychological adjustment to stress: A meta-analysis // *Journal of Clinical Psychology*. 2005. V. 61 (4). P. 461–480.
 23. *Avey J. B., Luthans F., Smith R. M., Palmer N. F.* Impact of positive psychological capital on employee well-being over time // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2010. V. 15. № 1. P. 17–28.
 24. *Axelrod S.* Tips on building organizational resilience // Good company newsletter. 2009. V. 3. № 8. APA Center for Organizational Excellence. URL: <http://www.apaexcellence.org/resources/goodcompany/newsletter/article/122>.
 25. *Binnendijk H.* Authoritarian regimes in transition // *The new democracies: Global change and US policy* / B. Roberts (Ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
 26. *Bowker A.* Sisters in the blood: The education of women in Native America. Newton, MA: WEEA Publishing Center, 1993.
 27. *Cohen S., Symes S.* Stress, social support and the buffering hypothesis // *Psychological Bulletin*. 1985. V. 98. P. 310–357.
 28. *Dunn D.* Resilient reintegration of married women with dependent children: Employed and unemployed. Unpublished doctoral dissertation, University of Utah, Salt Lake City, 1994.

29. *Fraser M. W., Richman J. M., Galinsky M. J.* Risk, protection and resilience towards a conceptual framework for social work practice // *Social Work Research*. 1999. V. 23. № 3. P. 131–143.
30. *Greff A., Vansteenwegen A., Ide M.* Resiliency in families with a member with a psychological disorder // *The American Journal of Family Therapy*. 2006. V. 34. P. 285–300.
31. *Jackson B. R., Bergeman C. S.* How does religiosity enhance well-being? The role of perceived control // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2011. V. 3. № 2. P. 149–161.
32. *Karakas F.* Exploring value compasses of leaders in organizations: introducing nine spiritual anchors // *Journal of Business Ethics*. 2010. V. 93. P. 73–92.
33. *Kumpfer K.* Factors and processes contributing to resilience: The resilience framework // *Resilience and development: Positive life adaptations* / M. Glantz, J. Johnson (Eds). N. Y.: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 1999. P. 179–223.
34. *Kutcher E. J., Bragger J. D., Rodriguez-Srednicki O., Masco J. L.* The role of religiosity in stress, job attitudes and organizational citizenship behavior // *Journal of Business Ethics*. 2010. V. 95. P. 319–337.
35. *Maddi S. R.* The story of hardiness: twenty years of theorizing, research, and practice // *Consulting Psychology Journal*. 2002. V. 54. P. 173–185.
36. *Moos R. H.* Development and application of new measures of life stressors, social resources, and coping responses // *European J. of Psychological Assessment*. 1995. V. 11. № 1. P. 1–13.
37. *Pargament K. I., Sweeney P. J.* Building spiritual fitness in the army // *American Psychologist*. 2011. V. 66. № 1. P. 58–64.
38. *Schuster M. A., Stein B. D., Jaycox L., Collins R. L., Marshall G. N., Elliott M. N., Zhou A. J., Kanouse D. E., Morrison J. L., Berry S. H.* A national survey of stress reactions after the September 11, 2001, terrorist attacks // *The New England Journal of Medicine*. 2001. V. 345 (20). P. 1507–1512.
39. *Vaillant G. E.* *The wisdom of the Ego: Sources of resilience in adult life*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
40. *Wagnild G., Young H.* Development and psychometric evaluation of the resilience scale // *Journal of Nursing Measurement*. 1993. V. 1. № 2. P. 165–178.
41. *Walker J. P., Lee R. E.* Uncovering strengths of children of alcoholic parents // *Contemporary Family Therapy*. 1998. V. 20. № 4. P. 521–538.
42. *Youssef C. M., Luthans F.* Positive organizational behavior in the workplace: the impact of hope, optimism, and resilience // *Journal of Management*. 2007. V. 33 (5). P. 774–800.